

УДК 811.161. 1'33 : 395.6

ЭКСПЛИКАЦИЯ МАКСИМ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ВЕЖЛИВОСТИ В АДРЕСАТИВНЫХ СИТУАЦИЯХ РУССКОГО РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА

Джигалюк Н. Ю.

*Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского,
г. Симферополь, Украина*

В статье рассматриваются особенности реализации максим лингвистической вежливости в ситуациях речевого этикета (обращениях), прагматика их использования как коммуникативно успешных стратегий вербального поведения.

Ключевые слова: *речевой этикет, обращение, лингвистическая вежливость, коммуникативная ситуация.*

Лингвистическую вежливость как социальное явление традиционно связывают с культурой речи и вербальным этикетом. Сопоставление вежливости с отдельной научной проблемой, к которой обращаются специалисты многих гуманитарных наук, таких как психология, этнопсихология, культурология, антропология, психолингвистика, социолингвистика, прагматика, прикладная лингвистика и др., связана с тем, что «данная категория может рассматриваться только на междисциплинарном уровне и в межкультурном аспекте... имеет важное значение для систематизации и объяснения различий в коммуникативном поведении представителей различных культур, для повышения эффективности межкультурного взаимодействия. В связи с этим интерес, проявляемый к данной коммуникативной категории в последнее время, представляется *актуальным* и обоснованным» [9].

Целью данной статьи является установление экспликационного потенциала лингвистической вежливости в формулах речевого этикета (на примере обращений), с указанием на прагматику использования переключения кода как коммуникативной стратегии в полилингвокультурном обществе.

Практическим материалом, который послужил средством верификации интеркорреляции позитивной и негативной вежливости с парадигмой речевого этикета (на примере обращений) стали данные социолингвистического анкетирования, в котором приняли участие студенты Таврического национального университета им. В.И. Вернадского, Крымского государственного медицинского университета и прочие респонденты, проживающие в Крыму. Темпоральные рамки обозначены 2010 – 2011 гг.

Гендерная дифференциация представлена следующим соотношением: маскулинных респондентов – 40%, феминных – 60%.

Этническая репрезентация характеризуется неоднородностью, в анкетировании приняли участие: русские, украинцы, крымские, казанские татары, армяне, белорусы; при этом родным языком большинство информантов назвали русский.

Возраст анкетированных варьировался от 18 до 60 лет.

Вопросы, на которые предстояло ответить информированным, представлены следующим образом (им предшествовали также альтернативные стимулы и варианты недифференцированного свободного выбора относительно формул обращений): *Как Вы обращаетесь к незнакомому мужчине, женщине?, Какие формы обращения Вы используете?, Какие формы обращения Вы используете чаще всего?, Как бы Вы хотели, чтобы к Вам обращались незнакомые люди?, Как вы обращаетесь к незнакомым сверстникам?, Как Вы обращаетесь к родителям?, Как родители обращаются к Вам?, Какие национально-специфичные обращения Вы знаете на др. языках (украинском, крымскотатарском и др.)?*

Этикетные ситуации адресации в сопоставлении с категориями максим лингвистической вежливости в широком смысле избраны как наиболее репрезентативно-валидный источник установления взаимосвязи интенций коммуникантов с их речевым поведением, в силу того, что в данном случае присутствует непосредственная направленность на лицо, отображение его вербального образа в тех или иных формулах обращения (демаркация *ты, Вы* и прочих номинативных единиц).

Обращение является одной из наиболее значимых ситуативно-тематических групп в парадигме речевого этикета (такого мнения придерживается ряд ученых: А.А. Акишина, А.А. Балакай, А.Г. Балакай, В.Е. Гольдин, Н.И. Формановская и прочие), «поскольку с помощью такой единицы устанавливается и поддерживается речевой контакт с собеседником, регулируются представления о ситуации общения в целом и о ролевых позициях партнёров, их социальных и личных взаимоотношениях» [2]. В.Е. Гольдин характеризует данные единицы как «одно из главных средств универсального характера, выработанных языком для обслуживания человеческого общения, для установления связи между высказываниями и субъектами общения, для интеграции разных сторон и компонентов ситуации общения в единый коммуникативный акт» [6, с. 4]. Непосредственно *этикетные обращения* были рассмотрены нами, вслед за А.А. Балакай, следующим образом – «это слова и устойчивые словесные формулы, обладающие синтаксически обусловленными и ситуативно связанными, нередко идиоматичными значениями, узуально употребляемые в общении с целью призыва адресата (собеседника), установления или поддержания с ним речевого контакта в эмоционально положительной (вежливой, доброжелательной) или официальной тональности в соответствии с коммуникативной ситуацией» [2].

Ответы на вопросы, указанные в анкетах, представлены преимущественно использованием стилистически нейтральных единиц, но степень вариативного потенциала актуализации многообразия этикетных средств эксплицированы недостаточно, владение ресурсами русского речевого этикета, возможно, сопоставимо с пассивным регистром знания либо не было воспринято информантами как коммуникативно-ценные навыки для установления контакта. Коммуникативная стратегия нивелирования всего богатства вербального церемониала, проявившаяся лишь в использовании части общеупотребительных обращений, с незначительным в процентном соотношении обращении к окказиональным и заимствованным формулам, не может быть, на наш взгляд, расценена как положительное явление. Из вышесказанного не следует, что позитивной динамикой нами было бы воспринято присутствие в речи

просторечных, девиантных обращений и так далее, но знание, контекстуально уместное применение различных адресативных моделей значительно бы обогатило культуру речи коммуникантов.

В целом ответы могут быть расценены как вежливые, неконфликтные стимул-реакции на контекстуально обусловленную коммуникативную ситуацию, которая презентована как «совокупность социальных, психологических и лингвистических условий общения, определяющих прагматические правила выбора и употребления этикетных обращений [2]», опосредованная приоритетным использованием определенных речевых стратегий, средств субъективации высказывания.

Среди прочих компонентов коммуникативной ситуации (адресант адресат, обстановка общения, способ, цель и тональность [2]), на наш взгляд, в случае с парадигматической экспликацией речевого этикета в употреблении формул обращений, в данный список возможно добавить категорию лингвистической вежливости.

«Вежливость – универсальная коммуникативная категория, представляющая собой сложную систему национально-специфических стратегий, направленных на гармоничное, бесконфликтное общение и соответствующих ожиданиям партнера; вежливость – это соблюдение оптимального баланса, равновесия между дистантностью и близостью, между формальностью и фамильярностью, который является ситуативно и культурно вариативным, т.е. точка этого равновесия варьируется не только в зависимости от конкретного коммуникативного контекста, но и от типа культуры в целом» [9].

По мнению Р. Уоттса, речевое поведение делится на три типа: вежливое (*polite*), невежливое (*impolite*) и социально приемлемое (*socially appropriate* или *politic*), немаркированное; но более часто обращение к биполярной модели *вежливость/невежливость*, что, в значительной мере, соответствует и русской ментальности [9].

Результаты анкетирования указывают на качественное преимущество реализации первого полюса (в данном случае к задачам коммуникантов относят акцентуацию стратегий вежливости, коррелирующую с социально-культурными нормами и ожиданиями адресанта и адресата, с чем, по нашему мнению, справились реципиенты, принимающие участие в анкетировании).

Нечастотные проявления невежливости, связаны в большинстве случаев не с узуальными, а окказиональными формулами адресации.

П. Грайс, Р. Лакофф, Дж. Лич и их последователи рассматривали лингвистическую вежливость как парадигму речевых максим, принцип кооперации, который первоначально включал четыре постулата (количества, качества, отношения и манеры речи), но со временем модифицировался, до расширения, спецификации своего состава (аппликаторные категории Дж. Лича: *максима такта, великодушия, одобрения, скромности, симпатии*). В данной статье нами предложено использовать генерализованный образ максим, реализующихся в прагматике экспликаций лингвистической вежливости в ситуативно-тематической группе обращений. Вышеназванные теории риторической прагматики коррелируют с концепцией П. Брауна и С. Левинсона сохранения лица, подобно *социальному имиджу* и демаркации позитивной и негативной вежливости.

Основная функция вежливости солидарности (вовлеченности) – сближение партнеров по коммуникации; негативная (почтения, независимости) соответственно акцентируется на почтении, формальности, уважении автономии собеседников, соблюдении дистанции [9]. Соотношение этих двух типов представлено в процентном соотношении как 60% – вежливость сближения и 40% – дистанцирования, несмотря на взаимообусловленность этих явлений, на первый план выступает стремление вовлеченности в личную коммуникативную сферу в неформальной обстановке общения и тенденции к проявлению пиетета в противоположном случае.

Подтверждением вышесказанного служит использование стратегий вежливости дистанцирования в адресативных ситуациях речевого этикета, когда имя адресата не известно (*Как Вы обращаетесь к незнакомому мужчине, женщине?*). Данная тенденция проявилась в указании на общеупотребительные единицы русского речевого этикета такие, как: *молодой человек* (40%), *девушка* (35%), *мужчина* (8%), *женщина* (7%), с препозицией *извините, простите* (4%), *Вы* (3%), *господин* (1%) и прочих (2%).

На вопрос *Какие формы обращения Вы используете?* были даны следующие ответы: *по имени* (38%), *по имени и отчеству* (19%), *с суффиксом -ка-* (17%), *с уменьшительно-ласкательным суффиксом* (14%), *по фамилии* (8%), *кличка* (2%), *вы* (1%) и *в зависимости от отношений между мной и человеком, ситуации* (1%).

Подобного рода коммуникативные реакции позволяют судить об интенсификации градации вежливости – от негативной или дистанцирования (ответ *по имени и отчеству, по фамилии*) до позитивной (сближения): *с уменьшительно-ласкательным суффиксом, с суффиксом -ка-, кличка*.

Нейтрально-вежливыми, на наш взгляд, являются формы обращения *по имени, вы, в зависимости от отношений между мной и человеком, ситуации*, но следует отметить, что, как и в двух прочих случаях, разграничение весьма условно и интенционно-контекстуально обусловлено, то есть то, что будет в одном случае проявлением формально-субординационных отношений не сопоставимо с другими коммуникативными ситуациями, например, обращением по фамилии к субъекту учебного процесса или в семейном кругу, то есть они противоположны в этикетно-прагматическом смысле.

Квантитативное преимущество частотности (*Какие формы обращения Вы используете чаще всего?*) представлено как: *по имени* (28%), *по имени и отчеству* (24%), *с уменьшительно-ласкательным суффиксом* (23%), *с суффиксом -ка-* (11%), *по фамилии* (6%), *зай, курочка, чудовище* (6%), *кличка* (1%), прочее (1%).

Обращает внимание тот факт, что респондентами не были полностью продублированы ответы из предыдущей графы, присутствуют этикетные единицы более неформального характера, некоторые окказиональны. Последний фактор стал причиной того, что данные формулы не включены в Словарь русского речевого этикета А.Г. Балакая [1].

Этикетные экспектации информантов были репрезентованы в графе *Как бы Вы хотели, чтобы к Вам обращались незнакомые люди?* (наиболее предпочтительны речевые клише *девушка* (46%), *молодой человек* (40%), менее – неконкретизированные формы: *на вы* (1%), *на ты* (1%); *не знаю, «девушка» не очень устраивает* (1%), отсутствие ответа (2%) и прочее (5%); встречаются также паралингвистические доминанты: *уважительно, нефамильярно, в приемлемой форме, ласково* (4%), что характеризует акцентуацию имплицитной вежливости

реципиентами как «соблюдение норм общения путем использования коммуникативных стратегий, которые отражают социально-культурные ценности и соответствуют коммуникативным ожиданиям партнера» [9].

Информанты в свою очередь, обращаясь к незнакомым сверстникам, использовали подобные формулы: *девушка* (34%), *молодой человек* (30%), *Вы* (8%), *ты* (5%), *извините...* (4%), *Привет!* (4%), *молодые люди* (3%), *парень* (3%), *по имени* (1%), *ребята* (1%), *использую данные, которые мне известны о нем (например, переводчики)* (1%), *не подскажешь...* (1%), *Вы, ты (от ситуации)* (1%), *уважительно* (1%), кроме нескольких девиантного характера: *девчонки* (2%), *чувак* (1%), *э-э-э* (1%).

Сфера личного общения представлена экспликациями позитивной лингвистической вежливости, реализованной экспрессивами и диминутивами, например, адресация к родителям осуществляется с помощью следующих обращений: *мама* (36%), *папа* (24%), *ты* (7%), *мамочка* (6%), *по имени* (5%), *мам* (2%), *мамулька* (2%), *мамуля* (2%), *пап* (2%), *привет* (2%), *доброе утро* (2%), *мамулечка* (2%), *папочка* (2%), *папулечка* (1%), *папуль* (1%), *папулька* (1%), *бабуля* (1%), *масик* (1%), *по имени и отчеству (в шутливой форме)* (1%).

Ответные реплики, на которые ссылались респонденты, наделены такими же характеристиками, как и упомянутые выше обращения к родным, в речи которых были выделенные следующие номинации: *по имени* (57%), *с суффиксом -еньк, -очк* и тому подобные (10%), *ты* (7%), *доченька* (5%), *доця* (3%), *дочь* (3%), *привет* (3%), *доня* (2%), *доча* (2%), *иногда ласковое прозвище, ласковое слово* (2%), *солнышко* (2%), *баламка (ребенок)* (2%). По сравнению с предыдущей графой актуализировалось влияние языковой интерференции, наиболее прослеживаются тенденции этнической самоидентификации, например, в номинативных единицах *доня, баламка*, что обусловлено локализацией в гетерогенной по своему генезису полилингвокультурной ситуации.

Поликультурная позитивная вежливость, направленная на этническую консолидацию, проявляется в переключении кода и использовании формул обращений, относящихся к ситуации речевого этикета адресата, например, *пан, пані, баламчик, Mr, Mrs*. Данные адресативные варианты могут также выступать в роли компонентов языковой игры, отображать интенции говорящего продемонстрировать уровень коммуникативной эрудиции, осведомленности о речевых клише в других языках; либо быть оппозиционально направленными маркерами иронии, пренебрежения к ценностям прочих культур.

«Говоря о межкультурной коммуникации, следует добавить, что коммуникативная стратегия определяется социокультурной ситуацией общения и коммуникативным сознанием участников диалога, от которого зависит выбор средств достижения той или иной коммуникативной цели» [9].

Национально-специфичные обращения, упомянутые анкетирруемыми, возможно разделить на локально близкие (*пан, пані, пане* (10%), *пани, панове* (3%), *добрий день, добридень* (5%), *къизым, къызлар* (4%), *мамо, мати, матуся* (4%), *тато, татко, татку* (4%), *селям алейкум* (4%), *балам, баламчик* (3%), *анна* (3%), *привіт* (3%), *баба* (1%), *вітаю* (1%), *дівчина* (1%), *синку* (1%) и дистантные, например: *Hello, Helloy, hi* (10%), *bonjour, бонжур* (3%), *Mr, Mrs* (3%), *buon giorno* (1%), *Good morning!* (1%), *What's up?* (1%), прочие – 9%. В последнем случае нередко

присутствовали орфографические ошибки, что может быть связано с отсутствием частого использования подобных единиц в письменной речи, но многократном восприятии формул на слух, что позволяет судить о неполной адаптированности подобных клише в русском речевом этикете.

Влияние западноевропейской вербальной культуры как коммуникативно-престижной отобразилось в использовании соответствующих формул приветствия по отношению не к носителям данных языков.

Отказ от ответа на данный вопрос (22%) либо заявление о собственной неосведомленности, на наш взгляд, позволяет судить о нивелировании этнокультурных различий коммуникантами или о недостаточной открытости эксперименту.

Естественная осведомленность о собственных формулах речевого этикета каждой из этнических групп проявилась в качественном аспекте, так носители языка или лица, принадлежащие к украинской или татарской национальности, но назвавшие русский родным, указывают в анкетах вариативные альтернативы обращениям, взятые из собственной коммуникативной культуры.

Заслуживает внимания также нечеткая демаркация информантами обращений и приветствий, что может быть также связано с недостаточным языковым чувством контекстуально уместного использования определенных формул речевого этикета, нивелированием стратегий коммуникативного поведения, связанных с постулатами вежливости.

Выводы. Лингвистическая вежливость, представляющая собой социальное явление, рассмотренная в аспекте социально-культурных отношений [9], в большинстве случаев была эксплицирована в формулах речевого этикета, что является коммуникативно-успешной стратегией в полилингвокультурном обществе, тем не менее, вариативный потенциал не использован информантами в достаточной мере, сфера актуализации формул речевого этикета ограничена классом общепотребительных обращений.

Список литературы

1. Балакай А.Г. Словарь русского речевого этикета / А.Г. Балакай. – М.: АСТ-пресс, 2001. – 670 с.
2. Балакай А.А. Этикетные обращения [Электронный ресурс]: Функционально-семантический и лексикографический аспекты : дис.... канд. филол. наук : 10.02.01. – М.: РГБ, 2005 (Из фондов Российской Государственной Библиотеки)
3. Богданович Г.Ю. Русский язык в аспекте проблем лингвокультурологии / Г.Ю. Богданович. – Симферополь: Доля, 2002. – 392 с.
4. Безноса А.П. Граматичні індикатори вираження ввічливості (з історії вивчення питання) [Электронный ресурс] / А.П. Безноса. – Режим доступа: http://www.nbu.gov.ua/portal/Soc_Gum/Ls/2008_17/beznosa.pdf
5. Белашова Л.А. Речевой этикет как лингвистическое явление [Электронный ресурс] / Л.А. Белашова. – Режим доступа: <http://abiturient.ncstu.ru/Science/conf/past/2006/10region/theses/ped/04.pdf>
6. Гольдин В.Е. Речь и этикет / В.Е. Гольдин. – М.: Просвещение, 1983. – 109 с.
7. Девлетов Р.Р. Русский речевой этикет сквозь призму крымскотатарского / Р.Р. Девлетов // Культура народов Причерноморья. – Симферополь: Межвузовский центр «Крым», 1998. – №3. – С. 327-330.
8. Зеленин Н.Б. Речевой этикет сегодня [Электронный ресурс] / Н.Б. Зеленин. – Режим доступа: <http://www.xserver.ru/user/reets/>

9. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации [Электронный ресурс] / Т.В. Ларина. – Режим доступа: <http://www.litru.ru/bd/?b=120239>
10. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика / Н. Б. Мечковская. – М.: Аспект пресс, 2000. – 207 с.
11. Форманова С.В. Формування національної мовної картини світу формами та засобами вираження етикету (на матеріалі української та англійської мов) / С.В. Форманова, Н.М. Кислицина // Культура народів Причорномор'я. – 2002. – №48, Т.1. – С. 122-124.
12. Формановская Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход / Н.И. Формановская. – М., 2002. – 216 с.
13. Формановская Н.И. Русский речевой этикет: нормативный социокультурный контекст / Н.И. Формановская. – М., 2002. – 160 с.
14. Фабіан М.П. Етикетна семантика в лексичних системах української, англійської та угорської мови / М.П. Фабіан // Автореф. дис. д-ра філол. наук: 10.02.15 Київ. ун-т ім. Т.Шевченка. – К., 1998. – 32 с. (<http://www.lib.ua-ru.net/inode/p-2/3621.html>)
15. Macek J.F. Aspects of linguistics politeness in Sheng [Электронный ресурс] / J.F. Macek. – Режим доступа: <http://www.fflch.usp.br/dl/wocal6special/downloads/Macek.pdf>
16. Rash F. Linguistic Politeness and Greeting Rituals in German-speaking Switzerland [Электронный ресурс] / F. Rash. – Режим доступа: http://www.linguistik-online.de/20_04/rash.html
17. Yanagiya K. Face, Place and linguistic Politeness: a Reexamination of “Face-work Phenomenon” [Электронный ресурс] / К. Yanagiya. – Режим доступа: http://www.flet.keio.ac.jp/~colloq/articles/backnumb/Col_20_YanagiyaKeiko.pdf
18. Watts J. R. Politeness [Электронный ресурс] / R. J. Watts. – Режим доступа: <http://www.cjsonline.ca/pdf/politeness.pdf>

Джигалюк Н.Ю. Експлікація максимум лінгвістичної ввічливості в адресативних ситуаціях російського мовленнєвого етикету // Ученіє записки Тавричеського національного університету ім. В.І. Вернадського. Серія «Філологія. Соціальні комунікації». – 2011. – Т.24 (63). – №2. Частина 1. – С.319-325.

У статті розглянуті особливості реалізації максимум лінгвістичної ввічливості у ситуаціях мовленнєвого етикету (звертаннях), прагматика їх функціонування як комунікативно успішних стратегій вербальної поведінки.

Ключові слова: мовленнєвий етикет, звертання, лінгвістична ввічливість, комунікативна ситуація.

Dzhigalyuk N.Y. Explication of linguistic politeness maxims in the addressing situation of Russian speech etiquette // Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series «Filology. Social communicatios». – 2011. – V.24 (63). – №2. Part 1. – P.319-325.

The peculiarity of linguistic politeness in the situation of speech etiquette is analysed in the article. The formulae of address, pragmatic of function as communicative successful strategy are discussed.

Key words: speech etiquette, address, linguistic politeness, situation of speech.

Поступила в редакцію 02.03.2011 г.